Belorussia and Ukraine

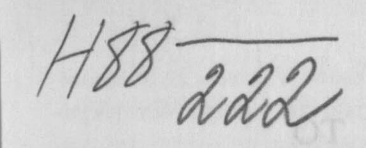
History and Culture

Yearbook

2003

MOSCOW
NAUKA
2003

Белоруссия и Украина

История и культура

Ежегодник

2003

МОСКВА
«НАУКА»
2003

Е.Ю. Борисёнок

СОВЕТСКАЯ УКРАИНИЗАЦИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ*

Практическая реализация плана построения "свободного союза свободных наций" потребовала от большевистского руководства особой осторожности в проведении национальной политики. Провозгласив принцип национально-территориального устройства государства, центральная власть озаботилась проблемой создания соответствующей системы управления в республиках. Кроме того, требовалось четко определить принципы взаимоотношений Москвы и республиканских властей. Сохранив за собой приоритет не только в определении основных направлений внутриполитического и экономического развития, но и в осуществлении контроля за их реализацией, центральное руководство вынуждено было пойти на уступки в сфере языка и культуры.

Национальный принцип построения государства предъявлял особые требования к анкетным данным партийных и государственных служащих. "Необходимо было иметь на местах послушный партийно-государственный аппарат, – пишет С.В. Чешко. – Но формировать его преимущественно из русских и других "интернационалистов" было нельзя: это могло привести к осложнениям и к ошибкам. Надо было создать лояльные политические элиты, организовать систему местного управления соответственно национальному составу регионов"[1]. Принадлежность к титульной нации той или иной республики и владение национальным языком формировали облик борца с национальным гнетом и позволяли большевикам наладить контакты с местным населением. Реализовать на практике теоретические построения РКП(б) в национальном вопросе призвана была политика "коренизации". Целью последней было не только создание местных кадров для управления республиками, но и формирование "национальных отрядов рабочего класса", привлечение на сторону большевиков национальной интеллигенции. Таким образом, коренизация должна была осуществить социальное и культурное "выравнивание" народов, ликвидируя "отсталость" многих из них.

Украине придавалось особое значение в планах центрального руководства. Региональная форма коренизации, украинизация, должна была превратить УССР в "образцовую" республику для Запада в плане решения национального вопроса[2]. Как и в других республиках, коренизация в УССР должна была идти по нескольким направлениям: пополнение КП(б)У коммунистами-украинцами, украинизация промышленных районов и городов, создание сети украинских учебных заведений различного уровня (от начальной школы до высшей), научных и культурных учреждений, развитие украинской советской литературы и искусства, перевод делопроизводства на украинский язык и т.п. При этом украинизацией предстояло затронуть и украинское население, проживавшее в других союзных республиках, в первую очередь в РСФСР. Но, безусловно, центральной проблемой украинизации был вопрос о языке. Украинский исследователь С.В. Кульчицкий справедливо отмечает: "суть советской украинизации как формы коренизации власти заключалась прежде всего в проблеме освоения и распространения на государственном уровне национального языка"[3].

Действительно, в 20–30-е годы украинский язык широко внедрялся в общественную жизнь. По справедливому замечанию Ю. Шевелева, украинизация на практике была направлена, с одной стороны, на внедрение украинского языка в государственный аппарат, а с другой – на использование его в культурной жизни в широком смысле слова[4]. Наибольших успехов украинизация достигла в области школьного образования. К 1927 г. в УССР 82% школ были украинизированы, 76% от общего числа учащихся республики посещали украинские школы. Четверть всех студентов, по состоянию на 1928 г., обучались исключительно на украинском языке, а 68% – одновременно на украинском и русском[5]. Выпускалось большое количество литературы на украинском языке. В 1928 г. в УССР было издано 5413 книг, из них 54% на украинском языке. В 1929 г. выходило 54 газеты на украинском языке[6]. Одним из направлений украинизации являлось пополнение партии за счет украинских кадров. К началу 1930 г. в КП(б)У насчитывалось 58,3% украинцев, а сельская сеть партпросвещения была украинизирована почти полностью[7].

Концепция коренизации, стройная и последовательная в теории, далеко не всегда оказывалась таковой на практике. В различных районах украинизация проходила с разной степенью интенсивности и достигала различных результатов, что в немалой степени зависело от национального и социального состава местного населения. Полиэтничность УССР наряду с особенностями социальной структуры населения и принципиально разной национальной окраской города и села, обусловливали различное отношение населения к проводимым реформам. Так, согласно переписи 1926 г., процент украинского населения в Полесье составлял 80,9, на Правобережье – 86,0, Левобережье – 87,8, Днепровском районе – 82,9, в то время как в степной зоне – 66,1, Шахтарском районе – 60,0%. Процент украинцев в городском населении УССР был существенно ниже: в Полесье – 52,8%, на Правобережье – 48,9%, Левобережье – 60,7%, в степной

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 02-01-00-291а).

зоне – лишь 32,9%, в Днепровском районе – 49,3%, Шахтарском районе – 40,4%[8].

В городах УССР проживало много русских и евреев, при этом чем крупнее был город, тем выше был там процент неукраинского населения. Так, в 1926 г. в городах с населением свыше 100 тыс. жителей русские составляли 33,3%, евреи 27,2% населения; в средних по численности населения городах (от 50 до 100 тысяч жителей) – соответственно 20,1% и 30,6%; в небольших (от 20 до 50 тысяч) – 15,8% и 24,1% населения[9].

Описанная ситуация была следствием далеко зашедшего процесса ассимиляции и миграции, особенно в восточных и юго-восточных регионах. Безусловно, индустриализация в Донбассе и Приднепровье шла значительно интенсивнее, нежели в других частях УССР, что должно было привести к увеличению там численности украинского городского населения. Однако в период интенсивной украинизации (середина 20-х – начало 30-х годов) принципиальное различие в национальном составе населения различных районов Украины сохранялось. При этом следует учитывать, что в переписи 1926 г. к украинской национальности были причислены ранее ассимилированные украинцы[10]. Поэтому процент украинского и по языку, и по своей идентичности населения еще ниже приведенных данных. Так, в городах лишь трое из четырех украинцев признавали украинский в качестве родного языка[11].

Принципиально различный по национальному составу, а следовательно, и по языку, состав населения промышленных и сельскохозяйственных районов приводил к тому, что контингент партийных работников и государственных служащих в национальном отношении был преимущественно русским и еврейским: удельный вес украинцев в КП(б)У накануне украинизации был около 23%, а в государственном аппарате – около 35%[12]. Не удивительно, что чиновничество в УССР отнюдь не горело желанием изучать украинский язык и переводить на него делопроизводство. В то же время доминирование русского языка в среде государственных и партийных служащих, а также в делопроизводстве заставляло население усомниться в необходимости обучения на украинском языке.

Таким образом, успехи украинизации напрямую зависели от особенностей социальной и национальной структуры населения различных регионов УССР и в конечном счете определялись двумя факторами: административным напором чиновников и степенью готовности самого населения воспринимать нововведения. Украинизация так или иначе затрагивала интересы практически всех слоев общества и вызывала зачастую всплеск эмоций. Появлялись как рьяные защитники, так и откровенные противники нового партийного курса. Первые призывали "верха" активнее проводить украинизацию, вторые негодовали против "крайних мер", призывали к постепенности и сочиняли анекдоты[13]. И те, и другие в 20-е годы еще не боялись

высказывать своего мнения в письмах в высшие партийные инстанции. Некоторые из них отложились в архивах и представляют несомненный научный интерес. Эти документы помогают поделить (конечно, довольно условно) территорию УССР на несколько регионов по степени их украинизации. В восточных и юго-восточных частях Украины, социальный облик которых определялся русскоязычным рабочим классом и в целом доминированием русского языка, украинизации оказывалось значительное сопротивление. В центральных регионах Украины и особенно в Киеве положение было иным: наличие достаточно сильной национальной интеллигенции, настроенной в основном позитивно в отношении украинизации, в значительной мере облегчало ее проведение.

В документах нередко прослеживается некое противостояние между этими двумя полюсами, олицетворяемыми Харьковом (столицей УССР в 1919–1934 гг.) и Киевом. Партийный деятель 20-х годов И. Майстренко, по роду службы вынужденный заниматься практическим проведением украинизации, оценивая в своих воспоминаниях сложившуюся ситуацию, отмечал "русифицированность" Харькова, Донбасса, Днепропетровска, Одессы и их упорное нежелание украинизироваться. "Харьковская улица все еще говорила на русском языке", – писал Майстренко. Показательно, что хотя сын мемуариста учился в Донбассе в украинской школе, но "на улице и дома говорил на русском языке"[14]. В то же время "старинные украинские города быстро дерусифицировались". В качестве примера Майстренко приводит Полтаву, где к концу 20-х годов "на улицах господствовал украинский язык"[15].

Негативно относились к необходимости изучения украинского языка рабочие юго-восточных промышленных областей УССР. Даже те из них, кто немного владели украинским, не пользовались им. «Некоторые товарищи знают много украинских слов и фраз, но "стесняются" начать говорить, – сообщалось в одной из пропагандистских брошюр Днепропетровской окружной комсомольской организации. – Такое стеснение беспочвенно и достаточно наивно, ибо зазорно теперь совсем не знать украинского языка»[16].

Сильное украинизаторское давление в данных областях предпринимал А.Я. Шумский в период своего пребывания на посту наркома просвещения УССР. Необходимость украинизации пролетариата он обусловливал политическими причинами, прежде всего необходимостью укрепления "смычки" рабочего класса и крестьянства на Украине: иначе "получается смычка интеллигенции с крестьянскими массами, а не пролетариата с крестьянством". "Имея полную возможность обеспечивать свои культурные запросы по-русски, русские рабочие должны в то же время принимать активное участие и в украинском общественно-культурном строительстве"[17], призывал Шумский.

Наступательная позиция украинского наркома просвещения не получила поддержки "сверху". В апреле 1926 г. в письме "Кагановичу

чу и другим членам политбюро ЦК КП(б)У" И.В. Сталин решительно высказался против украинизации пролетариата. "Нельзя заставить русские рабочие массы отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком – украинский, – писал генеральный секретарь ВКП(б). – Это противоречит принципу свободного развития национальностей"[18]. В этих условиях украинское партийное руководство могло прибегнуть лишь к агитации. В многочисленных листовках и брошюрах, предназначенных для распространения среди рабочих, разъяснялось, "для чего необходимо украинизовываться" и "как самому научиться украинскому языку". "Мы просто хотим, чтобы пролетариат влиял на развитие украинской культуры всеми способами, – говорилось в одной из них. – Вы же понимаете, товарищи, что если это влияние будет со стороны пролетариата, тогда будет полная гарантия, что армия работников украинской культуры будет воспитывать миллионы людей в духе ... пролетарской... идеологии"[19].

Позиция рабочих по отношению к украинизации перекликалась с позицией чиновников и технической интеллигенции, что нашло отражение в выводах оргбюро ЦК КП(б)У, сделанных в 1929 г. В резолюции по докладу о состоянии украинизации в промышленных округах, снабженной грифом "совершенно секретно", отмечается негативное восприятие украинизации в среде рабочих, инженерно-технических работников ("спецов") и сотрудников госучереждений этих частей Украины, особенно в Донбассе. Подобные настроения оказались возможными в результате попустительства управленческих структур промышленных районов, которые "не предпринимали никаких мер в отношении воплощения в жизнь директив партии и советских органов в отношении украинизации и тем самым объективно играли роль тормоза"[20].

Любопытно, что украинизаторские усилия далеко не всегда находили поддержку и среди широких крестьянских масс востока и юго-востока Украины. Вот как описывает рабочий-партиец в своем письме в ЦК КП(б)У положение в Луганске[21]: "Убежден, что 50% крестьянства Украины не понимает этого украинского языка, другая половина, если и понимает, то все же хуже, чем русский язык... Тогда зачем такое угощение для крестьян?" Особенно возмущает автора письма перевод на украинский язык партийной печати: «Я не говорю уже о "Коммунисте" на украинском языке. Одна часть, более сознательная, подписку не прекращает и самым добросовестным образом складывает газеты для хозяйственных надобностей. Это ли не трагедия... Другая часть совсем не берет и не выписывает газет на украинском языке и только озираясь по сторонам (на предмет партлица), запустит словцо по адресу украинизации.»[22].

Сходную оценку ситуации, сложившейся в ряде восточных и юго-восточных регионах УССР, мы встречаем и в других документах той эпохи. На этот раз приведем мнение противоположного лагеря – сторонников украинизации. Группа беспартийных с Украины (58 человек) в своем приветствии XIII съезду РКП(б) высказала ряд замечаний по национальному вопросу "в связи с декретами правительства УССР об украинизации". Подписавшиеся отмечали низкие темпы коренизации в южных губерниях Украины: Донецкой, Екатеринославской и Одесской, приводили примеры украинофобского поведения госслужащих. Когда к последним авторы письма обращались на украинском, то в ответ слышали: "Потрудитесь говорить на понятном языке, а не на турецком"[23].

Низкие темпы украинизации на востоке и юго-востоке УССР объяснялись отнюдь не халатностью местных властей в проведении партийных установок. Большинство населения в этих районах пользовалось русским языком и не считало нужным переходить на украинский. Один из жителей села Никольского Павловского района Сталинского округа УССР в своем письме в редакцию "Крестьянской газеты" в 1927 г. сетовал на то, что "у нас на Украине Сталинского района издаются книги, объявления, разные распоряжения" на украинском языке, "не понятном для народа". «На сходах читают наказы, распоряжения, объявления и т.д. на украинском языке. Народ заявляет: "Читать на русском понятном языке, не надо нам читать на венгерском", т.е. на непонятном языке»[24]. Вызывали затруднения и различные объявления, "расклеенные на РИКе (райисполкоме. – *Е.Б.*) и сельсовете", их никто не хотел читать, "потому что написано на украинском непонятном языке". Украиноязычное делопроизводство вызывало недовольство граждан: "Разругается другой гражданин и уйдет, и так большинство недовольно»[25].

Не лучше обстояли дела и с литературой на украинском языке: «Газеты русские из Москвы разворачиваются читать нарасхват, а украинское "Рад[янськое] село" лежит рядом, никто не берет»; "какие имеются [книги] на русском языке – нарасхват разбирают, а от украинских отбегают..."; "большинству интересно прочитать биографию В.И. Ленина и др., но на русском понятном языке нет, а на украинском есть, никто не хочет читать, а если кто возьмется, то ничего не поймет без переводчика"[26]. "Для чего это?" – спрашивает автор письма. Тон письма свидетельствует об острой ситуации, сложившейся на востоке УССР. Эмоциональное послание заканчивается призывом автора к высшим центральным властям "прислушаться к народу Украины, к тем местностям, где не говорят на украинском языке и не читают, и не разберут читанное и слушающееся, отменить постановление XIII съезда об украинизации, нежелательности местностям говорить на украинском языке. Вот что говорит народ"[27].

Особенно любопытны отнюдь не единичные ссылки на "непонимание" украинского литературного языка большинством не только городского, но и сельского населения УССР. Подобное "непонимание" представляется определенным преувеличением. Хотя языко-

вая ситуация на Украине в этот период была достаточно непростая и консолидация еще не завершилась, существовавшие региональные различия не препятствовали как контактам между жителями различных районов тогдашней Украины, так и пониманию ими доминировавшего литературного языка на среднеднепровской основе.

Тем не менее нежелание обучаться на украинском языке наличествовало. Возможно, оно было результатом особенностей этнокультурного сознания крестьянского населения, не соотносившего понятия "родина" с территорией УССР: для крестьянского мировосприятия характерен акцент на "малую родину". Любопытно, что один из агентов эмигрантской организации "Центр действия", побывавший на Украине в 1921 г., доносил своим товарищам в Париже о "слабо развитом национальном чувстве" украинского крестьянства: "...у крестьянской массы почти отсутствует понимание родины как чего-то целого, существующего помимо бытия отдельной деревни, отдельной волости, отдельного уезда"[28]. Можно предположить, что украинский крестьянин ощущал себя, во-первых, жителем определенной местности, и во-вторых, гражданином большого государства – СССР. Возможно, именно эта особенность сознания мешала населению воспринимать украинский язык как "свой", "родной" и затрудняла проведение украинизации, особенно на территориях, примыкающих к РСФСР.

Более благоприятно для украинизации складывалась ситуация в центральных и западных районах тогдашней УССР, где продолжало доминировать село и традиционно сильные позиции занимала украинская интеллигенция. Последняя придавала украинизации особое значение. "Представители украинской науки, литературы, искусства усматривали в ней (украинизации. – *Е.Б.*) прежде всего способ преодоления провинциальности, "второсортности" украинской культуры, повышения национального сознания", – пишут украинские историки Я.В. Верменич и Д.В. Бачинський[29], обратившие внимание на культурный аспект проблемы. Политический же аспект заключался в активной поддержке украинизации рядом ответственных работников КП(б)У, так называемыми национал-коммунистами, в целях увеличения авторитета и правового статуса Украины в Союзе ССР. Украинизации общественной жизни в этих регионах Украины способствовала также Украинская Автокефальная Православная церковь, достаточно влиятельная на селе в Киевской, Полтавской, Черниговской областях и Подолье[30].

Безусловно, центром притяжения сторонников украинизации выступал Киев. Этот город был особенно привлекателен для украинской интеллигенции своей многовековой историей. Несмотря на то, что численность русского и еврейского населения в нем значительно превосходила численность украинцев, национальная интеллигенция считала Киев "своим". Здесь жили и творили известные украинские литераторы, художники, музыканты; открывались музеи, театры и картинные галереи; наконец, здесь базировалась Академия наук Советской Украины. Украинская интеллигенция всеми силами стремилась упрочить здесь свои позиции. Неоднородный национальный состав населения Киева зачастую приводил к обостренному восприятию интеллигенцией существовавших реалий, а ее настроения нередко граничили с откровенным юдофобством и русофобством.

Значительную роль в активизации национальных устремлений украинской интеллигенции на западе и в центре УССР сыграла близость принадлежавшей тогда Польше Галиции. Украинизацию позитивно восприняли на западноукраинских землях и в эмиграции. Украинская интеллигенция, оказавшаяся в бурный период Революции и Гражданской войны за рубежом, стала возвращаться на родину. Особую активность проявила западноукраинская интеллигенция, испытывавшая в условиях притеснений со стороны польских властей большие трудности в трудоустройстве. Примерно со второй половины 1923 г. увеличивается приток в Украинскую ССР инженерно-технических работников, людей творческих профессий, квалифицированных рабочих из западноукраинских земель. Численность западноукраинской эмиграции в УССР к началу 30-х годов составила около 50 тыс. человек[31].

Вот как описывал в письме Н.И. Бухарину ситуацию в Киеве один из рядовых членов КП(б)У некий А. Дятлов: "под флагом украинизации" «проводится энергичное возрождение "своей, национальной, украинской культуры", организуются различные общества архимелкобуржуазного толка, проводится генеральное внедрение "украинской культуры" в общественный и индивидуальный быт, вплоть до ношения селянских кожушков и смазных сапог и т.п.»[32]. Негодование Дятлова вызвали также общества, изучавшие украинскую историю и культуру. В письме они названы «различными "академиями" по изучению Шевченко», а суть их работы, по мнению Дятлова, сводилось к поискам "пролетарской идеологии" у "отцов украинского мещанского национализма" Т.Г. Шевченко и В.К. Винниченко[33]. «Одним словом, – подводит итог автор письма, – проводится полное "возрождение украинской культуры" мещанского толка»[34].

Помимо различий между западом и центром, с одной стороны, и востоком и югом Украины – с другой, существовали довольно значительные различия между городом и селом. Хотя основные украинизаторские усилия были направлены именно на город (чего стоили хотя бы многочисленные попытки заставить чиновников изучить украинский язык!), большие успехи были достигнуты как раз не селе. Об этом свидетельствуют материалы комиссии ЦК ВКП(б), обследовавшей проведение национальной политики в УССР в 1928 г. По данным комиссии, на селе партсеть была украинизирована полностью, тогда как в городе – лишь на 35–50%; среди коммунистов-

украинцев украинский считали родным языком 59,2% от общего числа, для промышленных округов этот показатель понижался до 42,3, а для земледельческих поднимался до 76,6%. Особую озабоченность комиссии вызывали городские госучреждения и парторганизации: для большинства госслужащих украинский язык оставался языком официальным, которым пользовались лишь в стенах учреждений, и то главным образом для составления "бумаг". Разговорным же языком вне конторы, но зачастую и в самом учреждении, для многих все еще являлся русский[35].

Другая комиссия, на этот раз от Рабоче-крестьянской инспекции, изучавшая состояние украинизации по заданию ЦК КП(б)У в 1929 г., сделала сходные выводы и констатировала "разрыв между учреждениями центральными и нижестоящими"[36]. Чем учреждения ближе к селу ("район, округ, сельская школа"), тем они больше охвачены украинизацией, чем дальше от села, тем "украинизации меньше". "Низовая школа и политпросветная работа на селе украинизирована местами на 100%"[37], писали члены комиссии. В городах же среди сотрудников госучреждений и партийных работников "в общем отмечается незначительное число знающих украинский язык": "Даже по губернским учреждениям на Полтавщине (они считались вполне благополучными. – *Е.Б.*), знающих украинский язык среди партийных (работников. – *Е.Б.*) – 38%, не знающих – 62%"[38].

Украинизация распространялась не только на территорию УССР. Она должна была охватить и украинское население в других республиках Советского Союза. Особое внимание уделялось украинцам, проживавшим в РСФСР в районах, непосредственно граничащих с УССР. Ситуацию обостряло пристальное внимание ЦК КП(б)У к пограничным землям Курской, Брянской и Воронежской губерний. Настаивая на соблюдении этнического принципа формирования территории республики, ЦК КП(б)У требовал присоединения к ней ряда земель этих губерний. В качестве обоснования приводились данные по национальному составу населения, сложившимся экономическим и культурным связям "спорных" районов с УССР.

В 1926 г. к УССР был присоединен ряд пограничных российских территорий взамен отданного РСФСР Таганрога и части Шахтинского и Таганрогского округов[39]. Однако в ЦК ВКП(б) удовлетворили отнюдь не все украинские притязания. В 1928 г. в Харькове попытались еще раз поднять вопрос о присоединении российских территорий, но безуспешно. Украинским партийным лидерам оставалось лишь сожалеть по поводу "тяжелого положения" украинцев в РСФСР, о чем сохранились весьма интересные архивные документы, принадлежащие, по всей вероятности, перу украинского наркома просвещения Н.А. Скрыпника. Он обращал внимание на неудовлетворенность культурно-национальных интересов украинцев, проживавших в южной части Курской губернии, западной части Воронежской губернии, а также Донецком и Таганрогском округах Северо-Кавказской области. "Обслуживание культурных потребностей украинского населения РСФСР безусловно недостаточно, – писал Скрыпник. – В августе 1925 г. из имеющихся в Курской губернии 8444 ликпунктов ликбеза, 82 изб-читален, 19 библиотек не было ни одной украинской. В 1926 г. украинизированных изб-читален было 4, а ликпунктов было всего 2. В Воронежской губернии картина такая же..."[40] Отсутствие должного анализа сложившейся ситуации и крайняя эмоциональность документа не позволяют считать позицию Скрыпника взвешенной и аргументированной. Не пытаясь разобраться в причинах низких темпов украинизации в указанных районах, Скрыпник обвиняет местные российские власти в шовинизме: "Мы не могли бы себе представить возможности у нас (т.е. на Украине. – *Е.Б.*) столь упорного, длительного и... безобразного пренебрежения по отношению к интересам национальных меньшинств, какое было допущено по отношению к украинскому населению на протяжении долгих лет в Курской губернии, Таганрогщине, Кубани и т.д. Никакие экономические соображения... не могут ни в малейшей степени оправдать того положения, которое имеется в Курской губернии и других прилегающих к УССР территориях РСФСР с украинским большинством населения"[41].

Выяснить, насколько основательными были рассуждения Скрыпника, помогают архивные документы. В этой связи сошлемся на работу В.И. Сергейчука, собравшего и опубликовавшего большое количество документального материала из архивов Украины о работе среди украинского населения на территории РСФСР[42]. Они свидетельствуют о том, что власти РСФСР, рассматривая результаты работы по удовлетворению культурных интересов украинского населения на территории своей республики, признавали наличие больших проблем в этой области. "Несмотря на ряд мер, принимаемых... в отношении необходимого усиления просветительной работы среди украинского... населения", отмечал Наркомпрос РСФСР в 1927 г., "последняя страдает еще большими недостатками и требует к себе особого внимания"[43]. Недостатки украинизации связывались с объективно сложившейся ситуацией. В инструкции Наркомпросу РСФСР от августа 1927 г. отмечались следующие трудности перевода школ, обслуживавших украинское и белорусское население в РСФСР, на родной язык: "Крестьянская ... и рабочая масса, хотя и пользуется в домашнем быту родным языком, живя в русском окружении и имея дело с советскими и общественными учреждениями, работающими на русском языке, ощущает потребность в знании русской, а не украинской грамоты, которая сейчас у них имела бы мало практического применения. Не малое значение имеют и следы старой русификаторской работы среди украинского и белорусского населения"[44]. Действительно, проживая в русскоязычной среде и владея русским языком, этнические украинцы отнюдь не желали обучаться на языке украинском. К тому же все жизненные перспек-

тивы были связаны с русским языком: возможность продолжить обучение в вузе, получить престижную работу и т.п. Потому местное украинское население часто высказывалось против проведения украинизации.

Существовала и другая трудность – недостаток преподавательских кадров. В период урегулирования вопроса о российско-украинской границе в 1924 г. во ЦИК СССР пришло письмо от представителей местной общественности. Авторы его, подписавшиеся как "инструктор Степашко–украинец, зав. конторой Гвоздя–белорус", были озабочены возможным присоединением ряда пограничных районов Брянской губернии к УССР. По условиям своей работы они были хорошо знакомы не только с этими районами Брянской губернии, но и с соседними уездами Черниговщины. В последних ассимиляция зашла столь далеко, что там было проблематично найти "хотя бы одного украинца": "Когда весной в этом году в городе Середино-Буде Черниговской губернии было получено предписание ввести с 1 августа украинский язык, все всполошились. Бросились искать украинцев, могущих хотя бы чему-нибудь научить по-украински. Нет никого. Наконец нашли кого-то, но оказался исключенным из профсоюза, как чуждый элемент. Пришлось пойти на поклон – предложить принять вновь его в профсоюз – учи только. Разве не анекдот!"[45] Однако речь шла не только об остром дефиците преподавательских кадров. И советские работники на местах не владели украинским языком. Когда исполкомы в соответствии с инструкциями начали вести переписку на украинском языке, секретари сельсоветов "с полученными бумажками поехали, да еще срочно, со страхом, ибо лихо ее знает, что тут написано, обратно в РИК за переводом и разъяснением"[46].

Положение с преподавателями украинского языка на территории РСФСР изменить было отнюдь не легко. Далеко не всегда следовало надеяться на привлечение кадров из УССР. Наркомпрос РСФСР в своих многочисленных инструкциях настаивал на необходимости подготовки местных кадров, ибо "невозможно рассчитывать на привлечение ... учителей из Украины..., так как потребности... в квалифицированном педагогическом персонале далеко не обеспечены существующими у них педагогическими учебными заведениями и, кроме того, приезжие учителя будут незнакомы ни с местными условиями, ни с местным говором украинского... языка"[47].

В 1923–1925 гг. возможность присоединения к Украине активно обсуждалась самим населением приграничных районов. Вопрос был поднят на уездных съездах Советов. Делегаты высказывались против присоединения их уездов к Украине, мотивируя это нежеланием жителей подвергаться украинизации. Так, в протоколах Россошанского и Острогожского съездов подчеркивалось, что "имеющееся в уезде часть украинского населения в силу проводившейся до революции национальной политики и по своим бытовым и культурным

условиям к данному моменту ассимилировалось с великорусским"[48]. При этом украинское население, по словам делегатов съездов, категорически отказывалось от преподавания в школах на украинском языке и не соглашалось вообще как бы то ни было подвергаться украинизации, "которая неизбежно связана с коренной ломкой выработавшихся и исторически установившихся бытовых условий и языка"[49]. Один из членов губисполкома крестьянин Россошанского уезда Скляренко заявлял, что украинский язык среди населения совершенно не пользуется популярностью: "Как-то в уезде проводилась кампания по организации украинских школ, населению предлагалось, по его желанию, устраивать школы с обучением на украинском языке, и, несмотря на это, не было создано ни одной украинской школы"[50]. "Большинство жителей Острогожского уезда определенно не считают себя малороссами", делал вывод председатель местного исполкома и приводил интересный пример. В губернской крестьянской "Нашей газете" была открыта специальная рубрика, так называемый "украинский куток" в расчете на то, что крестьяне будут присылать заметки на украинском языке. Что же получилось? «После двух-трех заметок "Куток" заглох», "крестьянство осталось глухим, совершенно не интересуясь данным вопросом... Жители не считают себя хохлами"[51].

Сходная ситуация обнаруживается и в Таганрогском округе. Прослышав о возможном пересмотре границы, местное сельское население высказалось за вхождение в состав РСФСР. Помимо чисто экономических мотивов, прозвучало мнение о том, что в данный момент жители испытывают "тяготение к русскому языку"[52]. Граждане слободы Матвеев Курган Таганрогского округа также высказались против "изучения чуждого населению языка", отмечая "непонимание всех распоряжений советского правительства, издаваемых на украинском языке"[53]. "Нежелание примириться в особенности с украинизацией школ, письмоводства и т.п." высказали крестьяне Амвросиевского района Сталинского округа Донской губернии[54]. А жители Екатериновского района Таганрогского округа написали письмо-заявление председателю ЦИК СССР М.И. Калинину с просьбой о присоединении района к РСФСР, мотивируя это тем, что "украинский язык мы уже забыли, охотно мы и наши дети учим русский язык. Украинская литература для нас непонятна"[55].

В 1928 г. украинские чекисты подготовили справку об украинизации школы в Кубанском и Донском округах Северного Кавказа и об отношении к ней населения. Отношение местных жителей, которых официально считали украинцами, к украинизации не изменилось. "Украинизация школы... не встречает широкого сочувственного отношения среди местного населения, – говорится в справке. – В большинстве случаев преподавание на украинском языке вызывает явное недовольство, как среди иногородних, так и казачества"[56].

Сотрудники ГПУ признавали, что местное население не понимало литературного украинского языка, значительно отличавшегося от "местного наречия". К тому же из русских школ был обеспечен "бесперебойный переход учащихся в учебные заведения повышенного типа"[57]. В результате на Кубани и Дону русские школы были переполнены, тогда как в украинских ощущался недобор учащихся. Например, в станице Пашковская Кубанского округа в 1927–1928 учебном году в украинскую школу поступило всего 14 человек, а в русскую школу 144 человека; в станице Корсунской того же округа в первую группу украинской школы записалось только 10 человек, в русскую же 130; "то же имело место в станицах Гривенской, Поповнической, Северской, Холмской и ряде других"[58]. Родители учащихся стремились перевести своих детей из украинских школ в русские. Когда они писали соответствующие заявления, то указывали, что "не считают себя украинцами"[59].

Сотрудники ГПУ, знакомясь с ситуацией на Дону и Кубани, старательно изучали настроения рядовых граждан. Высказывания последних были обобщены и приводились в указанной справке. Особенно часто встречались выражения типа: "советская власть навязывает украинизацию против нашей воли", "наши дети портятся в украинских школах по приказу советской власти"[60].

Подобные настроения не могли не оказывать влияния на проведение украинизации в пограничных районах РСФСР. С одной стороны, центральные власти настаивали на последовательности в проведении украинизации, уменьшении сроков перевода делопроизводства на украинский язык, увеличении численности преподавателей украинского языка, учебных пособий, литературы и т.п. С другой стороны, явное нежелание населения переходить на украинский язык обучения заставляло местные власти более взвешенно оценивать языковую ситуацию во вверенных им районах. Северо-Кавказский краевой исполком в одном из своих директивных писем в феврале 1931 г. признал "ряд искривлений" в организации национальной работы на местах, заключавшихся в "украинизации русских школ": "Необходимо запомнить, что школы украинизируются только там, где детская масса по своему национальному происхождению[61] является украинской"[62].

Весьма примечательно, что украинизация нередко приводила к неожиданным результатам. Так, на Дону и Кубани в конце 20-х годов явно наметилась тенденция среди местных жителей выделить себя с этнической точки зрения из среды как украинцев, так и русских. Особую настороженность ГПУ вызвала идея "кубанизации", выдвинутая профессорами Шалем и Мартининым, в соответствии с которой заявлялось о необходимости изучения "своего кубанского языка", а не "чужого украинского", "кубанизации школы" (причем последняя установка была популярна среди как учителей, так и учащихся ряда школ Донского округа). Идея "кубанизации школы" плавно

переходила в идею "кубанизации Кубани", поддерживавшуюся "кулачеством и антисоветски настроенными элементами".

По оценке чекистов, сторонниками украинизации являлась лишь "незначительная часть учительства и преимущественно молодежь, окончившая Кубанский и Киевский педтехникумы"[63]. "Антисоветские элементы станицы, под покровом украинизации иногда пытаются вызвать самостийное движение на Кубани, используя с этой целью организуемые при избах-читальнях украинские литературные кружки и т.д., – говорилось в справке. – При этом отмечены попытки создания группировок самостийников с ярко выраженной антисоветской окраской, а также случаи распространения листовок контрреволюционного и шовинистического характера"[64].

Необходимость выполнять решения партии о коренизации, с одной стороны, и открытое нежелание населения обучаться на родном языке – с другой, вынуждало российские власти провести определенную разъяснительную работу. Наркомпрос РСФСР осудил "случаи, когда на местах без предварительной разъяснительной кампании производят голосование, желает ли население иметь школу на украинском... или на русском языке", ибо "население, естественно, голосует за школу на русском языке"[65]. Местные власти перестали интересоваться мнением населения при введении обучения на украинском языке, считая, что "часто практикующийся при переводе школ на родной язык преподавания опрос населения, а иногда и плебисцит должны быть отвергнуты как мероприятия, носящие часто случайный характер"[66]. В то же время было невозможно применять и нажим "в выборе школы на том или ином языке"[67]. Центр обязывал местные власти организовать основательную политподготовку при проведении украинизаторских мероприятий, т.е. вести "широкую разъяснительную кампанию" среди украинского населения "о национальной политике партии и советской власти, о роли, о значении родного языка в школе, о перспективах просветительной работы на родном языке... показать населению возможность использования их родного языка в работе и делопроизводстве местных советских органов и учреждений, а также познакомить его с достижениями национальной культуры"[68].

Приведенные материалы свидетельствуют о далеко зашедших ассимиляционных процессах в пограничной российско-украинской зоне. Даже учитывая отсутствие учителей и неграмотность населения, приходится констатировать нежелание украинцев обучаться на родном языке. Они явно отдавали предпочтение языку русскому. Противодействие населения сводило на нет все украинизаторские усилия местных властей.

Таким образом, украинизация являлась важной составляющей общественно-политической жизни Украины и пограничных районов в 1920–1930-е годы. Она затрагивала интересы как практически всех социальных слоев (крестьянства, рабочего класса, интелли-

генции), так и неукраинского (в основном, русского и еврейского) населения республики. Опираясь на национально ориентированную интеллигенцию, украинизация зачастую не находила понимания среди широких слоев не только русского, но и украинского населения восточных и юго-восточных районов УССР. Причины такой ситуации следует искать как в особенностях социальной и национальной структуры указанных районов, так и в последствиях довольно давних миграционных процессов, а также ассимиляторской политики царского правительства. Все это приводило к существенным различиям в темпах украинизации в различных регионах УССР. Показатели украинизации на востоке и юге были значительно ниже, чем в других частях Украины, а настроения населения были весьма схожи с настроениями жителей пограничной зоны РСФСР.

Очевидно, что на поддержку или неприятие украинизации со стороны различных групп населения влияли и политические, и сугубо житейские, бытовые моменты. Сторонники украинизации зачастую исходили из того, что Украинская ССР является самостоятельным государственным образованием, входящим в состав СССР. Для них украинский язык служил как бы символом такой самостоятельности. Рядовые же граждане не видели для себя необходимости изучать украинский язык, обучать ему своих детей, читать по-украински, так как видели возможность пользоваться языком русским. Была очевидна коммуникативная функция русского языка как средства общения между различными народами единого государства СССР, к тому же русский язык продолжал доминировать в делопроизводстве местных органов власти. Тем не менее проведение украинизации в 20–30-е годы составило важнейшую веху в истории УССР и стало тем прецедентом, на который опирается языковая политика современной Украины.

[1] *Чешко С.В.* Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. М., 2000. С. 203.

[2] Украинские историки активно разрабатывают проблему украинизации 1920–1930-х годов. См.: *Бондарчук П.М.* Профспілки УРСР і українізація культосвітньої роботи // Україна XX ст.: культура, ідеологія, політика: Зб. ст. Київ, 1999. Вип. 3. С. 182–201; *Букач В.М.* Политика украинизации в первой половине 20-х годов (Материалы к курсу по истории Украины и украинской культуры). Одесса, 1997; *Верменич Я.В., Бачинський Д.В.* "Українізація": походження і зміст поняття // Україна XX ст. С. 140–155; *Даниленко В.М.* Українізація: здобутки і втрати (20–30 рр.) // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. Київ, 1992. Вип. 2. С. 33–43; *Коляструк О.А.* Влада і преса в контексті політики українізації (20–30 рр.) // Україна XX ст. С. 156–181; *Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). Київ, 2001; и др. См. также: *Борисенок Е.Ю.* Обсуждение высшим партийным руководством проблем украинизации (1922–1923 гг.) // Український історичний журнал. 2000. № 4. С. 90–99; *Она же.* Национальная политика большевиков в первые годы советской власти (1917–1923). Путь к украинизации // Славянский альманах. 2001. С. 197–210; *Она же.* Проблемы украинизации 1920-х гг. и Л.М. Каганович // Славяноведение. 2001. № 5. С. 3–13.

[3] *Кульчицький С.В.* Україна між двома війнами (1921–1939 рр.). Київ, 1999. С. 103.

[4] *Щевельов Ю.* Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900–1941). Стан і статус. Чернівці, 1998. С. 94.

[5] *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні XX ст. Київ, 1997. С. 120–121, 124.

[6] Там же. С. 127, 130.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Ед. хр. 31. Лл. 147, 158.

[8] *Кравченко Б.* Указ. соч. С. 72, 75.

[9] Там же. С. 76.

[10] Там же. С. 77.

[11] Там же. С. 81.

[12] Там же. С. 141.

[13] Об анекдотах, бытовавших на Украине в 20-е годы, см.: *Марчуков А.* Маленький мир с маленькими людьми. Советский политический анекдот в дневниках украинского литератора // Родина. 2002. № 2. С. 81–85.

[14] *Майстренко І.* Історія мого покоління. Спогади учасника революційних подій в Україні. Едмонтон, 1985. С. 204, 206.

[15] Там же. С. 207.

[16] За цілковиту українізацію! Чому треба вивчати українську мову та як її треба вивчати. Дніпропетровськ, 1929. С. 11.

[17] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 135. Л. 21, 30.

[18] *Сталин И.В.* Собр. соч. Т. 5. С. 136.

[19] За цілковиту українізацію... С. 6.

[20] ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2894. Арк. 109–110.

[21] К сожалению, документ не датирован. Однако можно предположить, что он относится к 1926 г.

[22] ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2253. Арк. 91–92.

[23] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 130. Л. 12–13.

[24] Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1998. С. 183. В цитате сохранен стиль источника.

[25] Там же.

[26] Там же.

[27] Там же. С. 184.

[28] ГАРФ. Ф. 5784. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 160.

[29] *Верменич Я.В., Бачинський Д.В.* "Українізація": походження і зміст поняття // Україна XX ст. С. 149.

[30] *Шевельов Ю.* Указ. соч. С. 99.

[31] *Рубльов О.С., Черченко Ю.А.* Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції. 20–50-ті роки XX ст. Київ, 1994. С. 44–45.

[32] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 130. Л. 4.

[33] Там же.

[34] Там же.

[35] ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2631. Арк. 9–10.

[36] Там же. Спр. 2894. Арк. 53 об.

[37] Там же.

[38] Там же. Арк. 53.

[39] К Украине отошла часть Валуйского уезда Воронежской губернии, часть Путивльского, Белгородского, Суджанского уездов Курской губернии, Семеновскую волость Гомельской губернии, часть волостей Севского уезда Брянской губернии.

40 ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2673. Арк. 86.
41 Там же. Арк. 94.
42 *Сергійчук В.* "Українізація Росії": Політичне ошуканство українців російською більшовицькою владою в 1923–1932 роках. Київ, 2000.
43 Там же. С. 51.
44 Там же. С. 52.
45 ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 136.
46 Там же.
47 *Сергійчук В.* Указ. соч. С. 55.
48 ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 35.
49 Там же. Лл. 31, 35.
50 Там же. Л. 26.
51 Там же. Л. 26–27.
52 Там же. Ед. хр. 14. Л. 28.
53 Там же. Л. 30.
54 Там же. Л. 31.
55 Там же. Л. 33.
56 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 200.
57 Там же.
58 Там же. Л. 201.
59 Там же.
60 Там же.
61 Ссылка на национальное происхождение, а не, скажем, самосознание, заслуживает внимания. В то же время делать далеко идущие выводы нельзя, так как указанные слова могут быть лишь частью широко используемых штампов при составлении чиновниками разного рода документов.
62 *Сергійчук В.* Указ. соч. С. 183.
63 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 202
64 Там же. Л. 203.
65 *Сергійчук В.* Указ. соч. С. 47.
66 Там же. 55.
67 Там же.
68 Там же. С. 56.

ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

М. Капраль

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УКРАИНСКОЙ ОБЩИНЫ ГОРОДА ЛЬВОВА XVI–XVIII вв.

Средневековый княжеский Львов возник вскоре после разрушительного нашествия татаро-монгольских завоевателей середины XIII в. Одной из целей создания нового города-крепости было противодействие их нападениям. Для увеличения экономического и демографического потенциала разоренных татарами земель правитель Галицко-Волынского княжества Даниил Романович оказывал содействие переселению на них выходцев из западных католических стран-соседей княжества – прежде всего немцев, венгров, поляков и чехов. Из более поздних сообщений исторических хроник мы знаем, что в новом княжеском городе также возникли национальные[1] кварталы: в частности армян, которые занимались торговлей с восточными странами, – и еврейских купцов[2]. Кроме этого, в городе селились татарские купцы, которые также вели восточную торговлю. Почти с самого возникновения города рядом с доминирующей украинской (руськой или русинской) общиной в новой столице князя Льва Даниловича и его наследников проживало несколько крупных национальных групп.

Польский король Казимир III после захвата Львова в середине XIV в. имел дело с уже сложившейся этнической структурой. Привилегией от 17 июня 1356 г. о предоставлении магдебургского права он сделал католических переселенцев, прежде всего немцев, привилегированной национальной общиной[3]. В результате политики новых хозяев города, польских королей, направленной на укрепление их власти, город был заселен преимущественно немецкими колонистами[4] (число которых в начале XV в. достигало 70% от общего числа иммигрантов[5]). Недаром хронист города XVII в. Бартоломей Зиморович назовет "немецким" период от 1340 г. до середины XVI в.[6] Предоставление немецкого ("тевтонского") права в 1356 г. и последующие королевские земельные, правовые и эконо-

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 5

РОССИЯ И УКРАИНА В XVI–XIX вв.: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Материалы конференции на Историческом факультете МГУ

Дмитриев М.В.
Православная культура Московской и Литовской Руси в XVI в.: степень общности и различий 9

Дискуссия по докладу М.В. Дмитриева 23

Флоря Б.Н.
Спорные проблемы русско-украинских отношений в первой половине и середине XVII в. 29

Яковлева Т.Г. (Санкт-Петербург)
Проблемы взаимоотношений Украины и России 1654–1667 гг. 41

Дискуссия по докладам Б.Н. Флори и Т.Г. Яковлевой 48

Артамонов В.А.
Очаги военной силы украинского народа в конце XVI – начале XVIII в. .. 59

Миллер А.И.
Методологические проблемы изучения процессов формирования наций у восточных славян в поздний имперский период 67

Дискуссия по докладам В.А. Артамонова и А.И. Миллера 72

Калугин В.В.
"Борение мученика Димитрия Солунского" Симеона Метафраста 91

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ УКРАИНСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ НАЦИЙ В РОССИЙСКОМ И ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ КОНТЕКСТЕ

(дореволюционный период)

Материалы "Круглого стола" в Институте славяноведения РАН 129

РЕГИОНЫ И ГРАНИЦЫ УКРАИНЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Лукашова С.С.
Региональная структура украинских земель в представлениях казацкой старшины во второй и третьей четверти XVIII в. 197

Клопова М.Э.
Регионы Украины и межрегиональное взаимодействие в концепции украинизации М.С. Грушевского (Львовский период) 207

Борисёнок Е.Ю.
Советская украинизация в региональном измерении 222

ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Капраль М. (Львов)
Правовое положение украинской общины города Львова XVI–XVIII вв. 239

Верниковская Е.А.
Роль унии в этнокультурном развитии Белоруссии конца XVI–XVII в. в современной белорусской историографии 254

Флоря Б.Н.
Записи православного жителя Речи Посполитой о событиях Смуты в Русском государстве 282

Михутина И.В.
Февральская революция и образование Украинской центральной рады.... 289

Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.
Западнобелорусское и западноукраинское церковное летописание конца XIX – первой половины XX в. 322

Досталь М.Ю.
Украинская славистика в канун и годы Великой Отечественной войны.... 347

РЕЦЕНЗИИ

Дмитриев М.В.
Gudziak B.A. Crisis and Reform. The Kyivan Metropolinate, the Patriarchate of Constantinople, and the Genesis of the Union of Brest. Cambridge, 1998 355

Горизонтов Л.Е.
Шандра В. Малоросійське генерал-губернаторство 1802–1856. Функції, структура, архів. Київ, 2001 373

Пашаева Н.М.
Бахтурина А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000 383

Борисенок Е.Ю.

Єфіменко Г.Г. Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). Київ, 2001 388

НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горизонтов Л.Е.

Отдел восточного славянства Института славяноведения РАН: возможности, результаты, планы 395

Дмитриев М.В.

Центр украинистики и белорусистики в МГУ (1990–2002 гг.) 402

Научное издание

БЕЛОРУССИЯ И УКРАИНА

История и культура

Ежегодник 2003

Утверждено к печати Ученым советом Института славяноведения Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *В.Н. Токмаков*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректоры *Р.В. Молоканова, Т.И. Шеповалова*

Подписано к печати 29.04.2003
Формат 60 × 90[1]/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.-печ.л. 26,0. Усл.кр.-отт. 26,0. Уч.-изд.л. 29,1
Тираж 1000 экз. Тип. зак. 4276

Издательство "Наука"
117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Санкт-Петербургская типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

ISBN 5-02-008885-4

